

КАНТ И ШПЕТ:
КОНВЕРГЕНЦИИ И ДИВЕРГЕНЦИИIMMANUEL KANT AND GUSTAV SHPET:
CONVERGENCES AND DIVERGENCES

УДК 1(091)

ГУСТАВ ШПЕТ, ИММАНУИЛ КАНТ
И ТЕРМИНИСТСКАЯ ЛОГИКАGUSTAV SHPET, IMMANUEL KANT
AND TERMINIST LOGICМ. Денн¹M. Dennes¹

Сопоставляя в работе «Явление и смысл» трансцендентальную логику Иммануила Канта с традиционной проблематикой философии языка, Густав Шпет счел уместным и концептуально эффективным обратиться к средневековому схоластическому спору об универсалиях. Позднее, в тексте «Герменевтика и ее проблемы», он снова возвращается к этой дискуссии и замечает, что в ее рамках формировалась традиция «терминистской» логики XIII в. Плодотворность такого подхода Шпет связывал с разработанной им концепцией внутренней формы слова. Терминистская логика основана на определении и анализе таких терминов, как *significatio*, *suppositio*, *expositio*, *exponibilia*, и Шпет, рассматривая их, демонстрирует созвучность своей концепции с терминистской логикой. Отталкиваясь от логических разработок XIII в., он предлагает свой вариант преодоления противоречий, обнаруживаемых в критической философии Канта. Проблема отношения интуиции и понятия осталась, по мнению Шпета, неразрешенной трансцендентальным идеализмом (даже несмотря на то, что кантовский «схематизм» представляет собой поиск такого решения). Эта присущая кантианству проблема является для Шпета своеобразной точкой отталкивания, и он возвращается к ней на всем протяжении своего творчества. Нас будут особенно интересовать такие его произведения, как «Явление и смысл», где Шпет расширяет проблематику феноменологии Э. Гуссерля, и «Внутренняя форма слова», где он переосмысливает философию языка В. фон Гумбольдта. И в том и в другом случае Шпет показывает, что ни Гуссерлю,

In his book *Appearance and Sense* Gustav Shpet, comparing Immanuel Kant's transcendental logic with the traditional problems of the philosophy of language, thought it appropriate and conceptually effective to turn to the medieval scholastic debate on universals. Later, in the *Hermeneutics and Its Problems*, he goes back to this discussion and notes that it was the framework in which the thirteenth-century tradition of "terminist" logic was formed. Shpet attributed the fruitfulness of this approach to his concept of the inner form of the word. Terminist logic is based on the definition and analysis of such terms as *significatio*, *suppositio*, *expositio*, *exponibilia*, and Shpet, in examining them, demonstrates the consonance of his concept with terminist logic. Proceeding from thirteenth-century logical studies, he proposes his own approach to resolving the contradictions found in Kant's critical philosophy. Shpet believed that transcendental idealism failed to resolve the problem of the relation between intuition and concept (even though Kantian "schematism" was a search for such resolution). This inherent Kantian problem is for Shpet a take-off point to which he kept returning throughout his career. I will pay particular attention to such works as *Appearance and Sense*, in which Shpet broadens the problematics of Husserl's phenomenology, and *The Inner Form of the Word*, in which he reinterprets Humboldt's philosophy of language. In both cases Shpet shows that neither Husserl nor Humboldt managed to overcome the Kantian contradiction. So the reference to Kant is a starting point from which Shpet proceeds to put forward and consoli-

¹ Бордо, Франция.

Поступила в редакцию: 10.12.2023 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-2

¹ Bordeaux, France.

Received: 10.12.2023.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-2

ни Гумбольдту не удалось преодолеть кантовское противоречие. Так что ссылка на Канта — это своего рода основание, отталкиваясь от которого Шпет выдвигает и закрепляет свои гипотезы. Именно в терминистской логике XIII в. Шпет увидит оригинальный способ преодоления кантовского противоречия и направит нас к осмыслению проблем философии языка.

Ключевые слова: Густав Шпет, Иммануил Кант, терминистская логика, философия языка, внутренняя форма слова, структура слова

Анализ взглядов Шпета и Канта в трактовке философии языка и логики отнюдь не ограничивается в данном случае целями исключительно историко-философского уточнения конкретного сюжета в их эпистемологических концепциях. В основе нашего интереса лежит и момент актуализации их методологических подходов для современных исследований феномена языка. Мы рассмотрим их в контексте тех процессов, которые трансформируют современную интеллектуальную культуру и проявляются как в отечественной, так и в мировой философской мысли при рассмотрении проблемы выражения в живой речи. Шпетовская трактовка идей Канта позволяет в этом плане внести в область познавательной проблематики элементы понимания ее истоков и путей решения.

В этой связи отметим прежде всего, что Кант так или иначе присутствует практически во всех работах Шпета (с 1914 по 1927 г.), то есть от «Явления и смысла» (1914) до «Внутренней формы слова» (1927). Причем во всех работах просматривается устойчивая траектория шпетовской интерпретации кантовской философии. Шпет рассматривает Канта как главного представителя «отрицательной» философии (см. об этом: Щедрина, Щедрина, 2022), а потому, по его мнению, Канта ценят больше за его критические выводы, чем за целостную философскую позицию.

Уже в «Явлении и смысле» Шпет указывает на проблему, присущую философии Канта: это

date his hypotheses. It is in thirteenth-century terminist logic that Shpet will see an original way of overcoming the Kantian contradiction and direct us toward interpreting the problems of the philosophy of language.

Keywords: Gustav Shpet, Immanuel Kant, terminist logic, philosophy of language, inner form of the word, word structure

Analysis of the views of Shpet and Kant with regard to the philosophy of language and logic is not, in our case, limited to historical-philosophical clarification of a concrete issue in its epistemological concepts. My interest is also prompted by the goal of making their methodological approaches relevant to the modern studies of the phenomenon of language. I will examine them in the context of the processes which transform modern intellectual culture and are manifested in the philosophical thought in Russia and the world in dealing with the problem of expression in living speech. From that point of view Shpet's interpretation of Kantian ideas enables us to introduce into cognitive problems elements of comprehension of its sources and paths towards its solution.

It should be noted that Kant is in one way or another present in practically all of Shpet's works (from 1914 to 1927), i.e. from *Appearance and Sense* (1914) to *The Inner Form of the Word* (1927). In all these works we see a sustained trajectory of Shpet's interpretation of the Kantian philosophy. Shpet considers Kant to be the chief representative of "negative" philosophy (see Shchedrina and Shchedrina, 2022), which is why, in his opinion, Kant is given credit more for his critical conclusions than for an integral philosophical position.

Already in *Appearance and Sense* Shpet points to an intrinsic problem in Kant's philosophy. This is the abiding dilemma between intellectualism and intuitivism, arising from the unresolved question concerning the nature of the

непреодоленная дилемма между интеллектуализмом и интуитивизмом, возникающая из-за нерешенного вопроса о природе понятия и природе интуиции: «Кантовское решение здесь вообще ни при чем, так как из двух непонятных вещей нельзя делать одну понятную, — интуиция и понятие — не “части” и не абстракции. Вопрос просто-напросто идет о том, как мы понимаем понятия и, соответственно, как мы понимаем интуиции, а можно поставить и вопрос, как мы понимаем понятия с “подводимыми” под них интуициями. Пока нет ответа на этот вопрос...» (Шпет, 2005б, с. 81). По мнению Шпета, с той же самой проблемой столкнулся и Гуссерль; вопреки всем своим усилиям он тоже не мог ее решить. Ведь он (Гуссерль) сохранил только два вида интуиции, эйдетическую и чувственную, тогда как специфика шпетовского подхода, уже с «Явления и смысла», состоит в том, что он добавляет третий вид интуиции — «интелигибельную»:

...здесь речь идет только о родах интуиций, из которых каждый может иметь свои виды, и именно в этом различии родов лежит вся трудность проблемы. Ведь вся история философии дает только это разделение: чувственное и разум, — в разных формах, под видом разных теорий, об одном идет речь у Платона, Декарта, Канта, — и не прав ли теперь Гуссерль, признавая первичную данность только за чувственными интуициями и интуициями сущности? Мы не будем здесь исправлять Платона или Декарта, но обращаем внимание на обратную сторону этого основного философского разделения: всюду, где оно приводится в той или иной форме, мы встречаем и коренное затруднение в философии при попытке перекинуть мост через пропасть, образующуюся между названными двумя родами источников познания. Вот собственно о нем и идет у нас речь... (Шпет, 2005б, с. 121).

Однако Шпет подчеркивает тот элемент, который мог бы позволить Канту перешагнуть пропасть между идеализмом и сенсуализмом: это схематизм. «Учение Канта о схематизме есть

concept and the nature of intuition: “Kant’s solution here is in general of no concern, since from two incomprehensible things it is impossible to get a single comprehensible one. Intuition and concept are not ‘parts’ and not abstractions. The question simply concerns *how we are to understand concepts* and, correspondingly, *how we are to understand intuitions*. [...] we can also ask the question how we are to understand concepts with intuitions ‘subsumed’ under them. As long as we have no answer to this question [...]” (Shpet, 1991, pp. 51-52). In Shpet’s opinion, Husserl faced the same problem; try as he would, he could not solve it. For he (Husserl) preserved only two kinds of intuition, eidetic and sensible, whereas the distinctive feature of Shpet’s approach, beginning from *Appearance and Sense*, is that he adds a third type of intuition, which he calls “intelligible”:

[...] it is merely a question of the *genera* of intuitions — each *genus* can have its own species. But it is precisely in this distinction between the genera that the entire difficulty of the problem lies.

The entire history of philosophy certainly gives only the division between the sensuous and reason, in various forms and under the guise of various theories. We find one of these in Plato, Descartes and Kant. And is Husserl not right in recognising originary givenness for only sensuous intuition and intuitions of essence? We are not considering correcting either Plato or Descartes here. Rather, let us turn our attention to another side of this fundamental philosophical division. Everywhere that we find this division, regardless of its form, we encounter a basic difficulty with that philosophy’s attempt to throw a bridge across the precipice generated between these two generic sources of cognition. Properly speaking this is the point (Shpet, 1991, p. 101).

However, Shpet stresses the element that enabled Kant to step over this precipice between idealism and sensualism: this is schematism.

бессильный порыв заполнить ту пропасть, которую он сам создал своей дилеммой...» (Шпет, 2005б, с. 122). Именно к этому положению Шпет вернется в 1927 г. в книге «Внутренняя форма слова». Однако, забегаая вперед, можно сказать, что каждый раз Шпет подчеркивает неудачу кантовского схематизма в решении вопроса о природе «отношения предмета и понятия» (Там же, с. 123). Мы знаем, что в этом состоит и основная проблематика средневековой логики и ее пресловутого спора об универсалиях. Свое «разрешение» этого спора Шпет представил в главе VII «Явления и смысла». А это означает, на мой взгляд, что ссылки на логику Средневековья являются не предпосылкой, а подтверждением его решения.

Эти ссылки появляются как в опубликованных, так и в неизданных при его жизни текстах, которые составляют корпус его целостной философии слова. Прежде всего мы имеем в виду упоминание проблемы универсалий в книге «Герменевтика и ее проблемы», где он утверждает, что «средневековая логика с ее драгоценным спором об универсалиях, особенно в лице номиналистов, и в наиболее яркой и захватывающей форме у Вильгельма Оккама, весьма многосторонне и глубоко сумела разобрать именно логическую теорию знаков» (Шпет, 2005а, с. 276). Позднее упоминания этого средневекового спора мы обнаруживаем во «Внутренней форме слова». Все они позволяют Шпету внутри философии языка (причем той философии языка, которая сама глубоко укоренена в истории западной философии) найти элементы, подтверждающие подход, который он развил на основе феноменологии Гуссерля (откликаясь также и на Канта). Этими элементами являются некоторые понятия, находящиеся в созвучии с теми, которые Шпет сам выдвинул в контексте феноменологии. Происходит перенос структуры слова и выражения с ее элементами в другой контекст и на основе других понятий. Интересно проследить, как именно происходит такой перенос.

“Kant’s theory of the schematism is a powerless outburst to fill in the abyss he himself created with his dilemma” (*ibid.*, p. 102). Shpet would fall back on this proposition in *The Inner Form of the Word* (1927). However, while anticipating somewhat, I can say that Shpet invariably stresses the failure of Kant’s schematism in grappling with the “question of the relation between the object and the concept” (*ibid.*). As we know, this is also the main problem in medieval logic and its notorious debate about universals. Shpet presented his “resolution” of the argument in Chapter VII of *Appearance and Sense*. This means, in my opinion, that reference to medieval logic is not a prerequisite, but a confirmation of this solution.

These references crop up both in works published and not published in his lifetime that constitute the entire body of his philosophy of the word. I am referring above all to the mentioning of the problem of universals in the *Hermeneutics and Its Problems*, in which he writes: “[...] medieval logic with its valuable dispute about universals, particularly by the Nominalists and in a sharper and more comprehensive form by William of Ockham, succeeded in providing precisely a deep and many-sided analysis of the logical theory of signs” (Shpet, 2019, p. 26). Later we find references to this medieval disputation in *The Inner Form of the Word*. Between them they enable Shpet, within the philosophy of language (namely *the* philosophy of language which is itself rooted in the history of Western philosophy) to find elements that bolster the approach he developed on the basis of Husserl’s phenomenology (responding also to Kant). These elements are concepts which chime with those Shpet put forward himself in the context of phenomenology. What happens is the transfer of the structure of the word and expression with its elements into a different context and on the basis of other concepts. It would be interesting to trace how such a transfer takes place.

Сначала напомним положительное суждение Шпета о философии Пьера Абеляра. Во второй части «Языка и смысла» (работа также не была опубликована при жизни Шпета), он пишет: «Что касается самого Абеляра [1079–1142], то, по-видимому, он становится на ту точку зрения, которая является наиболее правильной» (Шпет, 2005в, с. 573). Это значит, что он оценивает подход Абеляра, опираясь на то, что сам определил как правильное отношение к языку. И в связи с этим он добавляет: «Во всяком случае, она (точка зрения Абеляра. — М. Д.) делает бесполезным спор о том, существуют ли слова, вовсе лишённые значения, и устраняет механическое решение вопроса о различии категорематических и синкатегорематических выражений и тем самым позволяет углубить это различие до его принципиального значения» (Там же, с. 573–574).

Это, может быть, не бросается в глаза, но очень важно для понимания проблем философии языка. С одной стороны, Шпет выделяет у Абеляра тематику, которая стала приоритетной в терминистской логике XIII в. (и, таким образом, начиная с Абеляра, он открывает нам путь для обращения к этому времени), а с другой стороны, ссылаясь на Абеляра, он предлагает решение вопроса, поставленного в XIII в., в контексте разрабатываемой им герменевтической методологии для разрешения дилеммы, которую увидел у Канта. Говоря о «предлогах и союзах», которые, по сути, «не обозначают “вещей”, как это делают имена и глаголы», он пишет: «...они не лишены значения, но они имеют “несовершенное значение”» (Шпет, 2005в, с. 574). Это значит, что для Абеляра, как и для Шпета, существует прежде всего означающая функция языка и что эта функция реализуется везде в языке и через все его элементы.

И действительно, когда мы говорим о «концептуализме»² Абеляра, именно это мы

² Я использую этот термин, хотя он не принят некоторыми французскими специалистами, например Аленом де Либера.

Let us first recall Shpet's positive judgment of the philosophy of Pierre Abelard. In Part Two of *Language and Sense* (also not published in Shpet's lifetime) he writes: "As for Abelard (1079–1142) himself, apparently he takes the most correct view" (Shpet, 2005, p. 573). This means that he assesses Abelard's approach, proceeding from what he himself described as the correct attitude to language. And in this connection he adds: "In any case this (Abelard's point of view — M. D.) renders useless the argument as to whether there exist words totally devoid of meaning and eliminates the mechanical solution of the question of the distinction between categorematic and syncategorematic expressions and thereby permits to deepen this distinction to its fundamental meaning" (*ibid.*, pp. 573-574).

This may not catch your eye, but it is very important in terms of comprehending the problems of the philosophy of language. On the one hand, Shpet singles out Abelard's themes which were central to thirteenth-century terminist logic (and thus, beginning from Abelard, enables us to turn to that time) and, on the other hand, citing Abelard, he offers a solution to the question raised in the thirteenth century in the context of the hermeneutic methodology he developed to resolve the dilemma he saw in Kant. Speaking about "prepositions and conjunctions" which actually "do not denote 'things' as do nouns and verbs", he writes: "[...] they are not devoid of meaning, but they have 'imperfective meaning'" (Shpet, 2005, p. 574). This means that for Abelard, like for Shpet, there exists above all the signifying function of language and that this function is realised everywhere in language through all its elements.

And indeed, this is what we mean when we speak of Abelard's "conceptualism".² The

² I use this term although some French specialists, e.g. Alain de Libera, do not accept it.

и имеем в виду. Известный современный медиевист Ален де Либера хорошо показывает то, что важно у Абельяра: это не «вещи» (*res*), не «материальная форма слова» (*voces*), а так называемые *sermões*, то есть «слова в семантическом аспекте интенции означать» (Libera, 2014, p. 70).

Заметим, что в «Лекциях по средневековой философии» (Лекции..., 2010), опубликованных в приложении к книге «Философия и наука», где собраны сохранившиеся в архиве лекции Шпета, в 4-й лекции (Там же, с. 385–396) есть страница, на которой Абельяр представлен как одна из «наилубопытнейших» фигур Средневековья. Речь идет именно о его концептуализме и о месте, занятом им в споре об универсалиях (Там же, с. 386). Но поскольку «авторство установить точно не удалось» (Щедрина, 2010, с. 482), мы не будем акцентировать внимание на этом тексте (хотя и понимаем, что Шпет наверняка был знаком с точкой зрения, изложенной в этих «Лекциях...»).

Обратимся к опубликованной Шпетом книге «Внутренняя форма слова», так как в этом тексте Шпет, уже не ссылаясь на Абельяра, возвращается к тематике категорематических и синкатегорематических выражений. Но в данном случае нам важно отметить, что он относит ее прямо к XIII в. и вводит одновременно в свой анализ те понятия терминистской логики, которые позволяют ему вернуться к кантовской дилемме в контексте предложенной им в «Явлении и смысле» «структуре слова и выражения». Обращаясь к кантовскому схематизму, он показывает, что Канту все-таки не удалось решить проблему отношения разума и чувственной интуиции. Он пишет: «По собственным словам Канта, “схемы чистых понятий рассудка суть истинные и единственные условия, которые могут доставить этим понятиям отношение к объектам, т.е. значение”» (Шпет, 2007а, с. 434). Однако, по мнению Шпета, схематизм не приносит настоящий ответ на вопрос, касающийся выразительной функции язы-

prominent modern medievalist Alain de Libera (2014, p. 70) shows well what is important for Abelard: it is not “things” (*res*), not “the material form of the word” (*voces*), but what he calls *sermões*, i.e. “words in the semantic dimension of the intention to signify”.³

It would not be irrelevant to note that in “Lectures on Medieval Philosophy” (Anonymous, 2010), published in the supplement to the book *Philosophy and Science*, containing surviving Shpet lectures, in Lecture 4 (*ibid.*, pp. 385–396) there is a page which describes Abelard as one of the “most curious” medieval figures. This is a reference to his conceptualism and the place he occupies in the debate on universals (*ibid.*, p. 386). But because “authorship could not be established exactly” (Shchedrina, 2010, p. 482), I am not going to fix attention on this text (though I understand that Shpet definitely was acquainted with the view presented in these “Lectures”).

Let us turn to *The Inner Form of the Word*, published by Shpet. In this book, without citing Abelard, he revisits the theme of categorematic and syncategorematic expressions. But in this case it is important to note that he refers this theme directly to the thirteenth century and simultaneously introduces in his analysis the concepts of terminist logic which enable him to turn back to the Kantian dilemma in the context of “the structure of the word and expression” he proposed in *Appearance and Sense*. Concerning Kant’s schematism, he shows that Kant, at the end of the day, failed to solve the problem of reason and sensible intuition. He writes: “According to Kant’s own words, ‘the schemes of pure concepts of understanding are the true and only conditions that may lend these concepts a relation to objects, i.e. ‘meaning’” (Shpet, 2007a, p. 434). However, in Shpet’s view, schematism does not yield a true answer to the

³ Cf. “[...] les mots dans la dimension sémantique de l’intention de signifier”.

ка. «...Кант раздирает мышление и чувственность...» (Там же, с. 435). И дальше он комментирует Канта, излагая свою точку зрения на проблему собственными словами-понятиями: «И, с другой стороны, если понятия — не готовые формы, *натягивающиеся на предмет...* “по правилам” и сообразно смыслу, то эти правила и нужно понимать как формы образования самих понятий, *оформленного смыслового содержания, как алгоритмы приемов, ведущих к запечатлению, выражению и сообщению смысла в системе условных внешних знаков...*» (Там же, с. 435; курсив мой. — М. Д.).

Эта цитата показывает, что Шпет, исходя из схематизма Канта, говорит уже не о Канте, но о своем понимании оформления понятий и подразумевает процесс образования «внутренних словесно-логических форм». «Так, — пишет Шпет, — не только преодолевается всякий концептуализм, неувядаемый дух которого витает и над схемами Канта, — (ибо его схемы можно понимать... как своего рода концептуализм второй степени), — но так закладывается и основание для той радикальной реформы логики, о которой была речь выше» (Там же).

Шпет знает, к чему он сам стремится. Говоря о Канте, он открывает путь к тому, чтобы раскрыть свое понимание и предложить решение вопроса об отношении понятия и содержания чувственной интуиции. Для этого он уже имеет в своем распоряжении понятийный аппарат — именно тот, который он сам разработал при обосновании проблемы «структуры слова и выражения» в «*Явлении и смысле*». Но теперь ему нужно показать эту проблему в контексте ее исторического становления. Поэтому он сначала обратился к Гумбольдту и потом, через него, намеревался вернуться к самому главному периоду ее развития — к Средневековью. У Гумбольдта он взял понятие «внутренней формы», а обращение к Средневековью позволяет ему добавить ту работу над словом, которая необходима для того, чтобы перенести по-

question concerning the expressive function of language. “[...] Kant tears apart thinking and sensibility [...]” (*ibid.*, p. 435). And furthermore he comments on Kant, spelling out his point of view on the problem in his own word-concepts: “And on the other hand, if concepts are not ready forms *pulled onto an object* [...] ‘according to rules’ and congruently with *meaning*, these rules should be understood as forms of the concepts themselves, *shaped as sense content, as algorithms of devices leading to the recording, expression and communication of meaning in the system of conventional external signs* [...]” (*ibid.*, p. 435; my italics — M. D.).

This quotation shows that Shpet, proceeding from Kant’s schematism, goes on to speak not about Kant, but about his own comprehension of how concepts are formed, implying the process of the formation of “inner verbal-logical forms”. “Thus not only is all conceptualism overcome, whose perennial spirit is wafted over Kant’s schemes (because his schemes can be understood [...] as a kind of conceptualism of the second degree), but so is laid the foundation for the radical reform of logic referred to above” (Shpet, 2007a, p. 435).

Shpet knows what he is after. While speaking about Kant, he paves the way towards unfolding his comprehension and proposing a solution of the question of the relation between the concept and the content of sensible intuition. He already has the conceptual toolkit for this, the one he worked out himself when dealing with the problem of “the structure of word and expression” in *Appearance and Sense*. Now, however, he needs to look at this problem in the context of its historical evolution. That is why he first turns to Humboldt and then, through him, intends to go back to the key period of its development, the Middle Ages. From Humboldt he took the concept of “inner form” and, turning to the Middle Ages, could add the verbal work that is necessary to transfer the

нятийный аппарат из «Явления и смысла» в рамки истории философии языка, продемонстрировать продуктивность открытия структуры слова и дать основы (логические и методологические) для применения этого открытия ко всем областям знания (то есть придать ему универсальное значение).

Итак, Шпет обращается к терминистской логике Средневековья и выделяет понятия (термины), которые позволяют ему по-новому формулировать открытие, сделанное в 1914 г. Осмысливая историческое развитие проблемы потенциальной противоречивости понятия, Шпет цитирует Петра Испанского (ок. 1220—1277) и через него сразу возвращается к тематике категорематических и синкатегорематических выражений. Употребляя в этом контексте понятие *exponibilia*, он констатирует, что процесс выявления смысла (*expressia*) всегда является, по сути, формой *expositio*. Шпет отмечает «чрезвычайно важное значение экспонибельных предложений и метода экспозиции для раскрытия истинной природы суждения и предложения» (Шпет, 2007а, с. 412, примеч.) и снова обращается к кёнигсбергскому философу, признавая, что «у Канта понятие экспозиции играет видную роль» (Там же). Однако тут же пишет, что «у Канта есть расхождение между общим определением термина и применением самого приема экспозиции в Трансцендентальной Эстетике (В. S. 38ff.), заставившее Файхингера (Kommentar, Bd. II. Stuttgart, 1881. S. 155) признать применение здесь термина “неподходящим”» (Там же). Шпет приводит определение экспонибельных суждений в трактовке Канта, подчеркивая, что Кант определяет их «как суждения, в которых содержится в скрытой форме утверждение и отрицание, причем утверждение высказывается явно, а отрицание — скрыто» (Там же, с. 413, примеч.). И далее замечает: «определение Канта — шире и интереснее, чем указания, которые можно встретить у новых логиков...» (Там же). Однако сам Кант относит это определение не к логике,

conceptual apparatus from *Appearance and Sense* to the realm of the history of the philosophy of language. He was able to demonstrate the productiveness of the discovery of word structure and provide (logical and methodological) foundations for the use of this discovery in all areas of knowledge (i.e. he could lend it universal significance).

So Shpet turned to the medieval terminist logic and singled out the concepts (terms) which enabled him to reformulate the discovery he made in 1914. Looking at the historical development of the problem of potentially contradictory character of concept, Shpet cites Peter of Spain (circa 1220—1277) and through him goes back to the theme of categorematic and syncategorematic expressions. Using the concept of *exponibilia* in this context, he states that the process of revealing the meaning (*expressia*) is always essentially a form of *expositio*. Speaking about the “exceedingly important role of exponible sentences and the method of *exposition* for revealing the true nature of a judgment or sentence” (Shpet, 2007a, p. 412n), Shpet again turns to Kant, recognising that “with Kant, the concept of exposition plays a prominent role” (*ibid.*). But he stresses in the same breath that “with Kant there is a divergence between the general *definition* of the term and the application of the device of exposition in *Transcendental Aesthetics* (В. S. 38ff.), which made Vaihinger (Kommentar, Bd. II. Stuttgart, 1881. S. 155) concede that the use of the term here was ‘inappropriate’” (*ibid.*). Shpet cites the definition of exponible judgments according to Kant, stressing that Kant defines them as “judgments which contain in a disguised form predication and negation, predication being explicit and negation implicit” (*ibid.*, p. 413n). Then follows the remark: “Kant’s definition is broader and more interesting than those we can hear from the new logicians [...]” (*ibid.*). How-

а к грамматике, и потому Шпет считает необходимым вернуться от Канта к средневековой логике. Чтобы уловить смысл этого возвращения, необходимо здесь процитировать полностью рассуждение Шпета:

На том основании, что экспонибельные суждения зависят от условий языка, по которым зараз выражается два суждения, Кант считал, что подлежащие экспонированию суждения относятся не к логике, а к *грамматике*. Однако, имея в виду, что экспонирование таких суждений делается с целью раскрытия неявных смыслов предложения, их, скорее, следует отнести через *герменевтику* в *диалектику* и в логическую теорию непосредственных выводов. Последнее, кстати, соответствует традиции средневековой логики, внимательно разрабатывавшей проблему *exponibilia* и связывавшей ее с так называемыми *consequentia*... (Там же).

Возвращаясь к средневековой логике, Шпет акцентирует в ней то, что наиболее соответствует его подходу: «У средневековых же логиков, с Петра Испанского, определение экспонибельного предложения дает право находить во всяком *предложении* экспонибельность» (Там же). И он цитирует его: «*Propositio exponibilis est propositio habens sensum obscurum expositione indigentem propter aliquod syncategorema in ea positum implicite vel explicite in aliqua dictione*» (Там же). То есть для Шпета здесь важно, что экспонибельное предложение содержит в себе «скрытый смысл», который может быть прояснен только при наличии служебного (синкатегорематического) слова³. В конце концов Шпет нашел свое! Он комментирует: «Но если оценивать значение слова с точки зрения его контекста, то всякое слово можно рассматривать как синкатегорему» (Там же). Это значит, что любое слово любого грамматического типа ис-

³ Ср. французский перевод: «La proposition exponible est une proposition ayant un sens obscur, exposant (mettant en évidence) l'indigence relative à un syncategorème se trouvant, au sein d'une expression, dans une position implicite ou explicite» (Chpet, 2007, p. 165).

ever, Kant refers this definition not to logic but to grammar, which prompts Shpet to go back from Kant to medieval logic. To capture the meaning of this retreat it is necessary to quote Shpet's statement in full:

On the grounds that exponible judgments depend on the conditions of language under which two judgments are expressed at once, Kant believed that the judgments being expounded pertain not to logic but to *grammar*. But considering that the expounding of such judgments is made in order to reveal hidden meanings of a sentence, they should rather be referred through *hermeneutics* to *dialectics*, i.e. to the logical theory of immediate inferences. The latter, incidentally, corresponds to the tradition of medieval logic which was attentive to the problem of *exponibilia* and linked it to so-called *consequentia* [...] (*ibid.*).

Going back to medieval logic, Shpet emphasises what mostly corresponds to his approach: “With medieval logicians, from Peter of Spain, the definition of an exponible sentence confers the right to find exponibility in any *sentence*” (*ibid.*). He quotes it: “*Propositio exponibilis est propositio habens sensum obscurum expositione indigentem propter aliquod syncategorema in ea positum implicite vel explicite in aliqua dictione* [...]” (*ibid.*). For Shpet it is important here that an exponible sentence contains a “hidden sense” which can be clarified only through the presence of an auxiliary (syncategorematic) word.⁴ At the end of the day Shpet found what he sought! His comment: “If we are to assess the meaning of a word in terms of its context, any word can be seen as a syncategoreme” (*ibid.*). This means that any word of any grammatical type is used by the speaker always to introduce a certain tinge or emphasis, i.e. to include

⁴ Cf. French translation: “La proposition exponible est une proposition ayant un sens obscur, exposant (mettant en évidence) l'indigence relative à un syncategorème se trouvant, au sein d'une expression, dans une position implicite ou explicite” (Chpet, 2007, p. 165).

пользуется говорящим всегда, чтобы ввести какой-то определенный оттенок или акцент, то есть включить в выражение определенное количество своего субъективного опыта, придать первоначальным значениям определенный смысл с целью дать понять что-то определенное, одновременно объективное и субъективное, тот «квази-предмет», благодаря которому любое Я или «имрек» может найти свое место в своем социокультурном мире. Этот вывод возвращает нас к тому, что Шпет писал, комментируя Абельяра. Для него важно преодолеть различие категорематических и синкатегорематических выражений, показать, что есть основная структура, которая присуща любому языковому акту сообщения и которая руководит — главным образом через сам процесс осмысления — всей онтологической деятельностью человека.

В четвертой главе «*Внутренней формы слова*» Шпет, говоря о морфологических и синтаксических формах и имея в виду выявление основной структуры выражения в контексте философии языка, явно осуществляет переход от терминологии «Явления и смысла» к терминологии средневековой логики. Он пишет, что «морфологические формы сами по себе, т.е. не в их синтаксическом применении, значений и смыслов не имеют... не выполняют сигнификативной функции, и respective, непонятны (сами по себе)» (Там же, с. 379). В связи с этим он воспроизводит уже сформулированное им ранее определение слова: «Вообще ведь само слово есть некоторая “вещь”, имеющая свои онтические формы, с им присущим особым содержанием, которое входит, как смысл, в особые слова: слова-знаки о словах-вещах. Эти слова, так сказать, второго порядка (суппозициональные предикаты)... они требуют, конечно, для своего отличия особого именованья» (Там же, с. 380).

И именно в сноске, относящейся к этому фрагменту, Шпет осуществляет переход к терминологии терминистской логики Средневе-

in an expression a certain amount of subjective experience, to invest the primary meanings with a certain sense in order to convey something definite, simultaneously objective and subjective, the “quasi-object”, thanks to which I or “So-and-So” may find their place in their socio-cultural world. This conclusion takes us back to what Shpet wrote as a comment on Abelard. For him the important thing is to overcome the distinction between categorematic and syncategorematic expressions, to show that there exists the basic structure inherent in any language act of communication which controls — mainly through the process of comprehension — the whole ontological activity of the human being.

In Chapter 4 of *The Inner Form of the Word* Shpet, speaking about morphological and syntactic forms with a view to revealing the basic structure of expression in the context of the philosophy of language clearly switches from the terminology of *Appearance and Sense* to the terminology of medieval logic. He writes that “morphological forms in themselves, i.e. not in their syntactic application, do not have meanings and senses [...] do not have a signifying function and are thus not understandable (in themselves)” (*ibid.*, p. 379). In this connection he reproduces his earlier definition of the word: “In general the word itself is a ‘thing’ which has its ontological forms, with its inherent *special* content which is present as meaning in special words: word-signs and word-things. These are words, as it were, of the second order (suppositional predicates) [...] they demand, of course, a special *designation* to distinguish them” (*ibid.*, p. 380).

It is precisely in the footnote to this fragment that Shpet switches to the terminology of medieval terminist logic. Like the thirteenth-century philosophers, he works on categorical definitions, distinguishing word-thing and word-sign and showing how in a certain

ковья. Он так же, как философы XIII в., работает над категориальными определениями, отличая слово-вещь от слова-знака и показывая, как в определенной ситуации (например, когда употребляется суффикс родительного падежа) образуются слова-знаки слов-вещей. Я не стану цитировать весь пример. Я только подчеркну, что именно то, к чему он пришел, слово-знак слова-вещи, Шпет называет «реальной суппозицией». Она появляется, например, на месте «номинальной» (суппозиции) и «заставляет указывать на некоторую модификацию реального бытия» (Там же, с. 381, примеч.).

Явно, что Шпет употребляет понятие суппозиции, чтобы представить новым образом элементы и процесс осуществления структуры слова и выражения. Именно у Петра Испанского он это находит. И в самом деле, Петр Испанский был в XIII в. самым известным представителем парижской школы схоластической логики (Libera, 2007, p. 295–299), его «*Tractatus / Summulae logicales*» служил учебником до самого XV в., и именно в его учении представляется и анализируется проблематика *суппозиции*, которая является одним из центральных понятий схоластики этого времени. Шпет заимствует у него разные виды суппозиций (простую, материальную и личную) и с их помощью дает понять, что именно подразумевается под любым определением, назначением или наименованием. Тематика суппозиции, прибавляясь к указанному выше вопросу об *exponibilia*, позволяет Шпету переходить от того, что подразумевается, к тому, что выражается, то есть дать понять, как выражается подразумеваемое⁴. Этим

⁴ Можно сослаться и на «Эстетические фрагменты», где во второй части Шпет обращает внимание на процесс, который может осуществиться на основе *suppositio* и *significatio*, и для этого переходит к понятийному аппарату на русском языке, пользуясь такими терминами, как «подразумеваемость», «подразумеваемость» или «подразумеваемое». См., например, (Шпет, 2007б, с. 229), где мы находим такое же изложение проблематики посредством этих терминов, как во «Внутренней форме слова» посредством понятий *expositio*, *exponibilia*, *suppositio*, *significatio* и т. д.

situation (for example, when the genitive-case suffix is used) word signs of word-things are formed. I am not going to cite the whole example, I will merely stress that Shpet designates as “real supposition” precisely what he arrived at, i.e. the word-sign of the word-thing. It surfaces, for example, in place of the “nominal” supposition to point to a modification of real being (*ibid.*, p. 381n).

Obviously, Shpet uses the concept of supposition to present in a new way the elements and the process of structuring the word and expression. He finds it in Peter of Spain. Indeed, Peter of Spain in the thirteenth century was the best-known representative of the Paris school of scholastic logic (Libera, 2007, pp. 295-299), his *Tractatus / Summulae logicales* served as a textbook until the fifteenth century and it is his doctrine that presents and analyses the problematics of *supposition*, one of the central concepts of scholasticism of the time. Shpet borrows from him various types of supposition (simple, material and personal) to show exactly what is meant by a definition, designation or name. Supposition, coupled with the above-mentioned question of *exponibilia*, enables Shpet to pass on from what is implied to what is expressed, i.e. allows us to understand how the implied is expressed.⁵ In this way Shpet uncovers for us the inherent process of constitution, the shaping of the concept, in other words, “the inner form of the word” corresponding to what he earlier (in *Appearance and Sense*) meant by “the structure of the word and expression”.

⁵ I can also cite *Aesthetic Fragments* where in the second part Shpet looks at the process which can be based on *suppositio* and *significatio*, to which end he switches to Russian concepts using terms like *podrazumevayemost'*, *podrazumevayetsya* and *podrazumevayemoye*. See, for example Shpet (2007b, p. 229), where we find the same rendering of the problem with the help of these terms as in *The Inner Form of the Word* through the concepts of *expositio*, *exponibilia*, *suppositio*, *significatio* etc.

способом Шпет нам открывает сам процесс, присущий конституированию, то есть оформлению, понятия, иными словами — «внутреннюю форму слова», соответствующую тому, что он раньше (в «*Явлении и смысле*») имел в виду под «структурой слова и выражения».

В заключение я хотела бы подчеркнуть следующее. У Шпета самое важное часто находится в сносках: это то, что остается скрытым в самом тексте, что подразумевается, но все-таки существует, что дано, хотя и непрямым образом. Я в этом убедилась, когда прочитала и перевела книгу «*Явление и смысл*» (Chpet, 2013), где в последней сноске последней главы философ ссылается на Павла Флоренского, уточняя разницу между философией и религией. То же самое происходит во «Внутренней форме слова», где Шпет представляет некоторые элементы терминистской логики именно в сносках. Он как будто нарочно это делает, чтобы вовлечь философа-читателя в свой интеллектуальный путь, дать ему в сносках материал для возможных «модификаций» (вариаций) и приоткрыть особый смысл. Погружаясь в сноски, читатель собственным актом осмысления может освоить этот текст, проникнуть в его внутреннюю форму, сотворить ее вместе со Шпетом. Мы имеем дело здесь не только с соучастием, но и с сотворением, с чудом взаимопонимания, с тем, что сам Шпет называет «конгениальностью». Вот что он писал об этом в конце книги «*Внутренняя форма слова*»: «Живое участие в самом творческом акте, активное, а не инертное восприятие продукта этого творчества, вживание в него, — все это делает нас самих, созерцающих, наслаждающихся и вопрошающих о субъекте, его участниками и соучастниками» (Шпет, 2007а, с. 500).

Я давно почувствовала, что эти ссылки на логику Средневековья, хотя как будто скрытые, играют важную роль в творчестве Густава Шпета. В связи с этим я углубилась в литературу о средневековой логике и споре об универсалиях (книги Алена де Либера, например), но

In conclusion I would like to make the following observation. Shpet often says the most important things in footnotes: this is what remains hidden in the text, what is implied but nevertheless exists, what is given, albeit indirectly. This was brought home to me forcibly when I read and translated *Appearance and Sense* (Chpet, 2013), where in the last footnote to the last chapter he invokes Pavel Florensky to clarify the difference between philosophy and religion. The same happens in *The Inner Form of the Word*, where Shpet introduces some elements of terminist logic in footnotes. He seems to be doing it deliberately in order to draw the philosophical reader into his intellectual journey, to give him material for possible “modifications” (variations), give him a glimpse of some special meaning. By immersing oneself in the footnotes, the reader engages with the text, penetrates into its inner form, creates together with Shpet. We are looking here not just at participation, but at co-creativity, the miracle of mutual understanding, what Shpet calls “congeniality”. This is how he put it at the end of *The Inner Form of the Word*: “Engaged participation in the creative act, active and not inert perception of the outcome of this creativity, becoming part of it — all this turns us, those who observe, enjoy and inquire about the subject, into participants and fellows” (Shpet, 2007a, p. 500).

I have long sensed that these references to medieval logic, seemingly hidden, play an important role in Gustav Shpet’s work. This led me to delve into the literature on medieval logic and the debate on universals (books by Alain de Libera, for example), but it is only now, when putting all this material together, that I fully appreciated the role these footnotes play, not only in reproducing the dynamics of the structure of the word and expression and the creation of the inner form of the word, but in

лишь сейчас, собирая весь этот материал, поняла, какую роль играют эти ссылки не только в воспроизведении динамики структуры слова и выражения и в сотворении внутренней формы слова, но и в самом процессе развития творчества Шпета. Если философия Канта стала для Шпета импульсом к созданию собственной философии, то ссылки на схоластическую логику дали ему возможность переосмыслить свое первоначальное «феноменологическое» открытие в логическом и онтологическом контекстах.

Список литературы

Лекции по средневековой философии // Шпет Г. Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2010. С. 353–397.

Шпет Г. Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005а. С. 248–469.

Шпет Г. Г. Явление и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005б. С. 35–188.

Шпет Г. Г. Язык и смысл // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2005в. С. 470–657.

Шпет Г. Г. Внутренняя форма слова (этюды и вариации на тему Гумбольдта) // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2007а. С. 325–501.

Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты // Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры / отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2007б. С. 175–322.

Щедрина Т. Г. Комментарии // Шпет Г. Г. Философия и наука. Лекционные курсы / отв. ред.-сост., предисл., коммент., археогр. работа и реконструкция Т. Г. Щедрина. М. : РОССПЭН, 2010. С. 398–483.

Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. Иммануил Кант в исторической философии Густава Шпета // Кантовский сборник. 2022. Т. 41, № 3. С. 124–151. doi: 10.5922/0207-6918-2022-3-5

Chpet G. G. La Forme interne du mot. Études et variations sur des thèmes de Humboldt / trad. de N. Zavialoff, préf. de M. Dennes. P. : Kimé, 2007.

Shpet's whole creative process. Whereas Kant's philosophy gave Shpet an impulse to create his own philosophy, the appeal to scholastic logic enabled him to rethink his initial "phenomenological" discovery in the logical and ontological contexts.

References

Anonym, 2010. *Lectii po srednevekovoj filosofii [Lectures on Medieval Philosophy]*. In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofija i nauka. Lekcionnye kursy [Philosophy and Science. Lecture courses]*. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 353-397. (In Rus.)

Chpet, G. G., 2007. *La Forme interne du mot. Études et variations sur des thèmes de Humboldt*. Traduction de N. Zavialoff, préface de M. Dennes. Paris: Kimé.

Chpet, G. G., 2013. *Le phénomène et le sens: la phénoménologie comme science fondamentale et ses problèmes*. Traduction de M. Dennes, F. Teppe, préface de M. Dennes, postface de F. Teppe. Bordeaux: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine.

Libera, A. de, 2014. *La Querelle des universaux. De Platon à la fin du Moyen-Âge*. Paris: Seuil.

Shchedrina, T. G. Kommentarii [Commentary]. In: G. G. Shpet, 2010. *Filosofija i nauka. Lekcionnye kursy [Philosophy and Science. Lecture courses]*. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 398-483. (In Rus.)

Shchedrina, T. G. and Shchedrina, I. O., 2022. Immanuel Kant in the Historical Philosophy of Gustav Shpet. *Kantian Journal*, 41(3), pp. 124-151. <http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2022-3-5>

Shpet, G. G., 1991. *Appearance and Sense: Phenomenology as the Fundamental Science and Its Problems*. Translated by T. Nemeth. Dordrecht, Boston & London: Kluwer Academic Publishers.

Shpet, G. G., 2005. *Jazyk i smysl [Language and Sense]*. In: Shpet, G. G., 2005. *Mysl' i Slovo. Izbrannye trudy [Thought and Word. Selected works]*. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 470-657. (In Rus.)

Shpet, G. G., 2007а. *Esteticheskie fragmenty [Aesthetic Fragments]*. In: Shpet, G. G., 2007. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]*. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 175-322. (In Rus.)

Shpet G. G. Le phénomène et le sens: la phénoménologie comme science fondamentale et ses problèmes / trad. de M. Dennes, F. Teppe, préf. de M. Dennes, postf. de F. Teppe. Bordeaux : Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2013.

Libera A. de. La Querelle des universaux. De Platon à la fin du Moyen-Âge. Paris : Seuil, 2014.

Об авторе

Мариэ Денн, доктор философии, профессор, Бордо, Франция.

E-mail: marysedennes@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6327-1121>

Для цитирования:

Денн М. Густав Шпет, Иммануил Кант и терминистская логика // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 3. С. 9–22.

doi: 10.5922/0207-6918-2024-3-2

© Денн М., 2024.

Shpet, G. G., 2007b. *Vnutrennjaja forma slova* [The Inner Form of the Word]. In: Shpet, G. G., 2007. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [The Art as a Kind of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Edited by T. G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, pp. 325-501. (In Rus.)

Shpet, G., 2019. *Hermeneutics and Its Problems*. In: G. Shpet, 2019. *Hermeneutics and Its Problems. With Selected Essays in Phenomenology*. Edited and translated by T. Nemeth. Cham: Springer, pp. XXV-XXVII, 1-151.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

The author

Prof. Dr Maryse Dennes, Bordeaux, France.

E-mail: marysedennes@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6327-1121>

To cite this article:

Dennes, M., 2024. Gustav Shpet, Immanuel Kant and Terminist Logic. *Kantian Journal*, 43(3), pp. 9-22.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-3-2>

© Dennes, M., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))